

В.Польманн

ПЕРЕЛОМ, ПРОВАЛ, ПРОРЫВ: К ПОЛОЖЕНИЮ ЦЕРКВИ В ПОЛЬШЕ

Исходная позиция автора – церковь в Польше пытается выиграть с помощью позавчерашнего оружия вчерашнюю битву и, возможно, при этом она создает угрозу для своего положения в завтрашнем мире. Попытаюсь разъяснить этот тезис несколькими штрихами на основе отдельных примеров, допуская, что при этом существует опасность определенного упрощения.

Падение коммунистического режима поставило все силы, участвующие в формировании политической идентичности, общественной жизни и общественного мнения перед вопросом: какого будущего мы хотим для Польши? Как должна выглядеть страна после 1989 г., после коренного поворота?

Католическая церковь – не только одна из сил, участвующих в формировании новой Польши. Согласно самопониманию церкви, ее задачей, даже миссией является формирование польского общества в соответствии с церковными представлениями о морали. У церкви есть ясный ответ на вопрос о «форме и содержании» этой новой Польши.

Вот уже примерно двести лет церковь в Польше олицетворяет собой духовную идентичность нации. Специфическая черта церкви – тесная связь между католицизмом и национализмом. «Bog, honor i ojczyzna» (Бог, честь и отчизна) – эти понятия в Польше не устарели и не были дискредитированы, как это произошло в Германии; под таким названием в 1998 г. вышло в свет двухтомное собрание проповедей епископа Завитковского. Он известен не только в своей епархии, варшавской Церкви Святого Креста, его проповеди регулярно передаются по польскому радио. Подзаголовок собрания проповедей – «национальные домашние задания».

В 1989 г. влиятельные силы официальной церкви полагали, что теперь можно будет просто вернуться к «нормальному» положению вещей. После победы над «силами зла» появилась возможность с помощью определенных принципов, соблюдавшихся в течение 200 лет (непоколебимость, четкость гражданской позиции, выдержка), добиться торжества в государстве и обществе христианских ценностей и закрепить их в законодательстве.

Однако есть опасность, что вместе со старыми принципами будут воскрешены и старые ошибочные политические настроения. К ним относится узкий, даже чрезмерный, в духе мессианства, национализм, отчасти связанный с более или менее выраженным антисемитизмом и полным неприятием модернизма. Для части духовенства характерна система мышления, в которой понятие «либерализм» стало

¹ Lawaty A. *Die Trennungslinien // Nowa Res Publica. Sonderh. zum Thema: Neue «Kulturkämpfe» in Deutschland und Polen. Bautzen, 1996 S. 20.*

² Firlit E. *Die Rolle der Pfarrergemeinden im polnischen Transformationsprozess // Spieker M. (Hrsg). Nach der Wende: Kirche und Gesellschaft in Polen und in Ostdeutschland. Paderborn, 1995. S. 75–95. Цит. по: Bingen D. *Katholische Kirche und Demokratie in Polen 1990–1995. Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1996. № 1. S. 9.**

³ *Tygodnik Powszechny. 20. 8. 1995.*

ругательным словом¹, а толерантность и демократия оцениваются негативно. В связи с этим многие политические высказывания и требования церковных иерархов и клира становятся понятны, как в известной степени имманентные такой системе мышления.

Если исходить из факта утраты церковью ее авторитета, о чем свидетельствуют результаты опросов (больше половины верующих отклоняют вмешательство церкви в политику и почти 80% протестуют против политических поучений с церковной кафедры²), то можно только согласиться с епископом Перонеком, сказавшим на конференции епископов: «Главная проблема церкви в Польше – это сама церковь»³.

Большинство представителей церковной иерархии до сих пор не сделало выводов из этого признания, впрочем, как и неортодоксальные мыслители, так сказать, католические «диссиденты» внутри церкви и вне ее.

Усилия церкви использовать свое влияние и укоренить собственные представления о ценностях в политическом и правовом отношении стоит пояснить на примерах ее поведения на выборах в период с 1990 по 1997 г., а также отношения к некоторым отдельным законопроектам, к вопросу о конкордате и вступлении в ЕС.

Официальные и в еще большей степени неофициальные заявления церкви в связи с предстоящими выборами в 1990–1997 гг., с помощью которых она разъясняла избирателям, каких кандидатов и, соответственно, партии она поддерживает, можно рассматривать как показатель степени интенсивности ее попыток добиться осуществления в польском обществе своих ценностных представлений. В то же время политические высказывания духовенства в связи с выборами могли бы стать и показателем процесса обучения, пройденного церковью за последние 10 лет.

Уже в 1990 г., на первых выборах президента, епископы открыто поддержали Л.Валенсу. Прежде всего это было направлено против С.Туминьского, но также и против Т.Мазовецкого, который, будучи убежденным католиком, тем не менее не пользовался авторитетом у духовенства: представляемый им «открытый» католицизм польская официальная церковь, не привыкшая к расхождениям во мнениях и противоречиям, воспринимала не как обогащение католической доктрины, а как угрозу воображаемому единству.

На парламентских выборах в 1991 и 1993 г. церковь воздержалась от официальных рекомендаций. Впрочем, в 1991 г. этот «обет воздержания», ею самой на себя наложенный, был нарушен. Незадолго до выборов она опять рекомендовала верующим голосовать за определенные партии и потребовала, чтобы священники огласили с церковных кафедр эти списки как рекомендованные епископатом. В обнародованном за четыре недели до парламентских выборов пасытском слове польских епископов о том, какое решение должны принять католики на выборах, был использован недвусмысленный, даже полемический язык. Церковь призывала верующих воздержать-

ся от поддержки тех кандидатов, которые выступали за право на аборт или эвтаназию (между которыми был поставлен знак равенства). Кроме того, дополнительным критерием поддержки кандидата должен был стать патриотизм, под которым понимался национализм в духе польского традиционного католицизма.

Однако верующие голосовали, как им вначале и посоветовала церковь, по собственной совести; в результате рекомендованные клиром партии вместе набрали всего около 25% голосов.

По сути дела, так же, хотя и с некоторыми вариациями, церковь действовала и на выборах в 1993, 1995 и даже 1997 г. Правда, официальных заявлений, как в 1990 г., больше не было, однако духовенство не могло устоять перед искушением разъяснить свои политические предпочтения. Казалось, что каждый раз незадолго до выборов церковь впадала в панику и утрачивала не только доверие по отношению к верующим, но даже собственную веру в Бога.

В 1993 г. церковь не связывала себя с отдельными партиями, но большинство католическо-патриотических и правых партий провалились, не преодолев пятипроцентный барьер. Тематика «христианских ценностей» и моральных представлений церкви не играла на выборах решающей роли, и она по крайней мере не дискредитировала себя принятием предварительного решения, отступив на якобы нейтральную позицию⁴.

Тем не менее в 1995 г. церковь не захотела еще раз пойти на риск, позволив верующим на выборах принять самостоятельное решение. Она снова выразила свое отношение к отдельным кандидатам, Л.Валенсе и А.Квасьневскому, причем ни один католик не должен был сомневаться в предпочтениях церкви. Хотя она официально предостерегла священников от непосредственного участия в избирательной кампании, тем не менее сам примас, глава римско-католической церкви в Польше, еще в августе, выступая перед 150 тыс. верующих, не только призвал их участвовать в выборах, но совершенно ясно заявил, кого надо избирать: человека, который уважает принципы христианского образа жизни и не будет пытаться навязать католической стране чуждые ей ценности⁵. (Слово «чуждый» имеет особый смысл: в течение многих десятилетий этим словом определялось иудейское влияние.)

Показательны высказывания люблинского архиепископа Жичиньского, который тоже выступает как последователь Ю.Глемпа⁶, когда говорит, что церковь хотя и не желает связывать себя с конкретными политиками (несмотря на то, что в 1995 г. она хотела именно этого!), но «предала бы свою миссию, если бы отказалась от провозглашения всеобщих моральных принципов, которые должны быть основой всякого общественного порядка». Эта миссия действительно является исконной и легитимной задачей церкви, которой ее нельзя лишать, поскольку она не провозглашает с кафедры свое политическое мнение. Нельзя же отказывать церкви в праве на участие в общественной жизни.

⁴ *Епископ Перонек: «Партии проиграли – это их проблема».*

⁵ *См. «Frankfurter Allgemeine Zeitung».* 28. 8. 1995.

⁶ *Глемп Ю. – кардинал, архиепископ Гнезненский и Варшавский.*

⁷ *Gazeta Wyborcza, конец июля 1995 г. В несколько измененном виде цитируется по: Bingen D. Op. cit. S. 15.*

В 1997 г. в церкви все еще улаживались старые внутренние противоречия. Секретарь конференции епископов Перонек, которого считают представителем либерального и «открытого» католицизма⁸, отклонил попытки воздействия на совесть верующих перед выборами с помощью поразительного довода – «на это никто не имеет права»⁹. Куда более категоричную позицию по этому вопросу занял данцигский епископ Гоцловский, который заявил: есть партия, действующая во имя «солидарности», и ей должна принадлежать победа. Осенью 1997 г. во время церковных богослужений развешивались плакаты, содержавшие просьбу к святым отцам о прощении за результаты последних выборов и выражавшие надежду на то, что на этот раз такие извинения не потребуются. Разве в этом видны признаки осмысления реальных процессов, происходящих в обществе? Кто из двух епископов высказывает то, о чем думает большинство епископата? Какую позицию занимают большинство или меньшинство церковных иерархов, епископат, церковь как институт? Все эти вопросы все еще остаются открытыми.

Из числа многих правовых и политических вопросов, в решении которых церковь хочет принимать участие, назову в качестве примера три.

Одним из первых законопроектов, с помощью которых официальная церковь пыталась реализовать свои представления о христианском обществе, было принятое еще в последние месяцы коммунистического режима решение о введении преподавания религии во всех государственных школах – от начальных до гимназий и профессиональных училищ.

Весной 1990 г. епископат на своем пленарном заседании потребовал «полного возвращения к преподаванию религии в школах и гарантии достижения этой цели через конституцию и национальный закон о воспитании». Хотя Польша считается католической страной, ни общественность, ни министерство по делам воспитания правительства Т.Мазовецкого не проявили энтузиазма в этом вопросе. Даже видные католики-миряне опасались отрицательного воздействия подобных мероприятий на тех учащихся, которые не хотели обучаться по закрепленной конституцией религиозной программе. Заместитель министра по делам воспитания А.Радзивилл, убежденная католичка и член Клуба католической интеллигенции, выразила опасение, что такой шаг был бы «совершенно неподобающим и потенциально создавал бы угрозу раскола»¹⁰. По всей вероятности, А.Радзивилл лично не может помнить острые споры между церковью и государством о школьном образовании в межвоенный период, которые велись весьма ожесточенно и с сильным антисемитским акцентом¹¹. Тем не менее ее беспокойство не возникло «из воздуха». Правительство Т.Мазовецкого не пошло в этом вопросе на конфронтацию с официальной церковью (летом 1990 г.), и преподавание религии в школах в желаемой епископатом форме было введено в период летних каникул указом, а в 1991 г. закреплено законом.

⁸ В 1998 г. в издательстве «Znak» опубликована его книга «Kosciol nie boi sie wolnosci» («Церковь не боится свободы»). Она анализировалась наряду с указанным собранием проповедей «Бог, честь и отчизна», в статье епископа Завитковского в «Gazeta Wyborcza» от 23. 4. 1998 под названием «Exerzycie i Exorzysmen» («Домашние задания и заклинания для изгнания бесов»).

⁹ Gazeta Wyborcza. 15. 9. 1997.

¹⁰ Bingen D. Op. cit. S. 19.

¹¹ Еще в 1941 г. епископ Кельцкий Кашмарек считал, что христианских учащихся следует предостерегать от пагубного влияния со стороны их еврейских одноклассников.

Что касается понимания примасом демократии, то интересна одна методико-техническая деталь: когда уполномоченный по гражданским правам Т.Жилинский хотел подвергнуть инструкции министерства по делам воспитания экспертизе конституционного трибунала для определения их соответствия основному закону, Ю.Глемп потребовал его отставки. В таких принципиальных вопросах примас остается верен своему собственному мнению. По поводу конституционного кризиса в феврале 1995 г. он писал: «В таких вопросах следует принимать во внимание благо отечества, а не букву закона». Другими словами, «более высокие моральные соображения могли бы оправдать нарушение господствующего права»¹². Совершенно ясно, кто при этом формулирует «более высокие моральные принципы». Однако речь идет не об определении, но о правовом закреплении морали и этики. А это как раз и есть «яблоко раздора» между официальной католической церковью и государственными институтами.

Таким же ясным и однозначным случаем правового закрепления церковных представлений является закон о прерывании беременности. Среднее число детей у молодых католических пар в Польше не очень превышает среднее число детей в немецких семьях. Но не следует забывать, что, по выражению Ю.Говина, польский католицизм – это католицизм, при котором церкви заполнены верующими, и в то же время заполнены клиники для абортотворения, которые официально не существуют¹³.

В польском обществе в ходе разработки новой конституции много говорилось и о требованиях церкви, о поддержке или отклонении их на референдуме. Поэтому я хотела бы сразу перейти к рассмотрению сложной проблемы конкордата для того, чтобы показать, насколько политизировано было заключение этого договора, причем с обеих сторон – и церкви, и правительства.

От восстановления отношений между Польшей и Ватиканом (уже летом 1989 г., т.е. в последние месяцы коммунистического режима) до ратификации конкордата в 1998 г. в условиях демократической Польши и при Папе польского происхождения прошло почти 10 лет, хотя он был подписан пятью годами раньше. Разногласия возникли между католическими иерархами, специалистами по церковному праву, партиями середины и правыми партиями, с одной стороны, и парламентариями от Союза демократических левых сил, Союза труда и Крестьянской партии, которые в 1993 г. вели явно антиклерикальную избирательную кампанию, – с другой. При этом последних поддерживали сторонники точной интерпретации конституционного права. Речь шла не только о материально-правовых вопросах (возвращение земельных владений) и о терминологии (что, впрочем, было весьма важно – разделение церкви и государства или автономия и независимость церкви), но и о доверии со стороны избирателей.

Правительственная коалиция из партий левого альянса и Крестьянской партии оказалась нерешительной и неспособной к единству. С одной стороны, ее представители ни в коем случае не хотели

¹² *Tygodnik Powszechny*. 12. 2. 1995. Цит. по: Gowin J. *Kosciol po komunizmie*. Krakow, 1995. S. 75.

¹³ Gowin J. *Op. cit.* S. 289.

выглядеть в глазах своих избирателей, не связанных с церковью, слишком дружелюбно расположенными к ней, а с другой – они колебались также и потому, что не хотели нанести оскорбление Папе польского происхождения. Учреждение особой комиссии для изучения совместимости конкордата с действующей конституцией католические иерархи в свою очередь интерпретировали как «фронтальную атаку на церковь»¹⁴. Как и в других спорах о месте церкви в демократической Польше, в позиции епископата проявился «синдром осажденной крепости», и духовенство заговорило манихейским языком о борьбе сил света против сил тьмы. Несмотря на некоторые усилия к проявлению доброй воли с обеих сторон (встреча Перонека с А.Квасьневским в августе 1994 г.), конкордат был ратифицирован только при новом правительстве в январе 1998 г. при поддержке консервативно-церковного большинства.

¹⁴ *Gazeta Wyborcza*.
9–10. 7. 1994.
Цит. по: Bingen D.
Op. cit. S. 26.

Подобные затяжные и ожесточенные споры происходили и по вопросу об утверждении новой конституции.

О чем свидетельствуют эти столкновения? Представляется, о двух вещах.

С одной стороны, тактика официальной церкви, представители которой в большинстве все еще оставались верны консервативно-традиционным убеждениям, состояла в следующем: публично выдвигать явно максимальные требования, от которых позднее можно было бы отступить без ущерба для авторитета церкви. При этом не всегда четко проводится различие между католическими представлениями о морали и вполне земными требованиями об участии в политике. Мораль и этика принципиально обосновываются естественным правом, т.е. с конкретно-исторической и церковно-правовой точек зрения, и излагаются языком, не допускающим компромиссов.

С другой стороны, обе стороны, как официальная церковь, так и ее политические противники, должны прислушиваться к своим противникам. Церковь как институт тоже в конечном счете вряд ли может позволить себе не считаться с массой верующих, значительная часть которых настроена консервативно. В этом заключается великая воспитательная задача церкви, однако большинство современного духовенства, также являющееся консервативным, никогда не задумывалось о такой задаче и не готово ее выполнять.

Вполне вероятно, что дальнейший путь развития церкви в Польше будут определять три проблемы. Как церковь отнесется к вступлению Польши в ЕС и как этот шаг повлияет на духовный облик страны? Кто и когда станет следующим Папой? Каково будет соотношение сил, определяющее внутрицерковные разногласия между традиционными и либеральными католиками?

Обратимся к рассмотрению этих проблем.

Открытость Польши по отношению к Западной Европе, которая со времени Просвещения казалась польской церкви утраченной для истинной веры, обсуждается уже более 150 лет – и отчасти с исполь-

¹⁵ *Stuttgarter Zeitung*.
25. 8. 1995.

¹⁶ «Разве мы не должны обладать честолюбием для того, чтобы стремиться нашим вступлением в так называемый христианский дом изменить мышление его жителей... Это было бы не проявлением нашего мессианства, но вопросом нашей национальной совести» // Kowalski K. *Dla czego nie należy zabijac. Przegląd katoliki*. 28. 4. 1991. Цит. по: Gowin J. *Op. cit.* S. 195.

¹⁷ *Euroentuzjzm ksiezy* // *Gazeta Wyborcza*. 24. 3. 1998.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ibid.*

зованием тех же аргументов, что и ныне¹⁵. Говоря в Ченстохове о вступлении Польши в ЕС, примас предупреждал, что страны Западной Европы стремятся ослабить страны Восточной Европы до такой степени, чтобы последние никогда более не представляли опасности для стран более богатых¹⁶. Думается, в таком подходе не только проявляется весьма своеобразное понимание экономико-политических задач «богатых» стран по отношению к «бедным», но также выражаются старые представления о заговоре с целью нанести ущерб Польше.

Если такие идеи продолжают существовать, то не должно вызывать удивления и понимание церковью роли и задач Польши в общем европейском доме¹⁷.

Впрочем, после поездки в Брюссель, в ЕС, не только многие из епископов, принявших участие в этом визите, в значительной степени утратили страх перед сотрудничеством с неизвестной Европой, но как будто наступил перелом и в настроениях польского духовенства в целом. Опрос, впервые проведенный в стране среди духовенства, который охватывал и сельских священников, и священников крупных городов, показал, что 84% из них одобряют вступление Польши в ЕС¹⁸. Конечно, здесь играет важную роль и поддержка европейской идеи Ватиканом. Папа со всей определенностью заявил, что объединенной Европе нет альтернативы. Это глубоко осознал и примас. В ноябре 1997 г., незадолго до визита епископов в Брюссель, он благожелательно разъяснял, что церковь не испытывает страха перед объединенной Европой, но с надеждой взирает на процесс интеграции¹⁹.

Впрочем, патер Рыдзык, «брат-директор» «Радио Мария», смотрит на это иначе и обращается к своим сторонникам с полемическим призывом: «Что случилось с тобой, Польша? Почему ты хочешь вступить в такую Европу и повторить все ее ошибки, почему ты хочешь копировать все то, что для нас так опасно? Почему ты так наивна?»²⁰. Естественно, также относятся к идее объединения Европы все те, кто не сумел извлечь для себя ни материальной, ни духовной пользы из развития Польши за последние годы, все те, кто считает, что к их старым врагам – масонам, евреям и коммунистам – теперь прибавились новые враги в лице либеральных демократов.

Европа, к которой, согласно опросу, стремится большинство священников, – «это Европа отечеств», какой ее видят французы. В такой Европе лучше всего были бы сохранены особые польские традиции и ценности. Впрочем, в действительности среди опрошенных священников все еще существует определенное число тех (13%), кто полагает, что правовые институты европейского сообщества должны предоставлять свою защиту и поддержку только христианам.

Епископ Перонек, как уже говорилось, считающийся представителем «открытого» католицизма, пишет, что «польская церковь испытывает страх перед возвращением в Европу». Однако «не надо этого бояться. Европу следует воспринимать как крупный шанс, как трудный вызов, предъявленный церкви, и ее великую апостольскую зада-

²¹ Речь идет о теории подчинения папской власти Вселенскому собору. — Прим. переводчика.

чу»²¹. Хотя преобладающая часть духовенства не без тревоги взирает на Европу, постепенное изменение позиции по отношению к вступлению Польши в ЕС свидетельствуют о том, что в церкви идет процесс обучения, который может развиваться только в направлении открытости и модернизации.

Принципиально важен для дальнейшего развития церкви в Польше вопрос о следующем Папе. Может показаться странным, но для значительной части польского духовенства нынешний Папа чересчур современен, слишком открыт по отношению к новому. Кое-кто предупреждает о явлениях постконцилиаризма²². Официальная польская церковь понимает, что возвращение к триумфализму, интегрализму и в конечном счете к католическому фундаментализму ранней эпохи католицизма невозможно, однако полностью дух Второго Ватиканского собора в Польше еще не воплотился. Только то обстоятельство, что Иоанн Павел II, так сказать, ее собственный, польский Папа, пока сдерживает публичную критику со стороны традиционно настроенных церковных кругов в определенных границах. Однако, по моему, существует возможность польской схизмы типа движения Лефевра: если «хороший» польский Папа, или, Боже упаси, новый, чужой, еще более «модернистский» Папа не сможет далее держать в страхе «слабых епископов, склонных к компромиссам», то возможно, что вся фундаменталистская часть верующих и клира отважится на раскол²³.

Во всяком случае пока общественный базис церкви широк и, кажется, не поддастся всерьез подобному искушению. Но вопрос об интеллектуальном составе духовенства, теологов и клира, о соотношении сил между консерваторами и либералами в церкви остается открытым.

Большинство церковной иерархии, клира и учащихся богословских учебных заведений придерживается традиционных, даже консервативных взглядов. Это можно подтвердить цитатами из высказываний почти всех представителей церковной иерархии, в первую очередь примаса. Напротив, имена «открытых», либеральных теологов, епископов и других духовных лиц легко запоминаются, так как их немного. Важными публицистическими органами для «диссидентов» польского католицизма являются «Tygodnik Powszechny» и журналы «Znak» и «Wież». Сюда можно отнести и ежемесячный журнал иезуитов, поскольку последние ныне вообще, в отличие от довоенного времени, представляют собой «авангард» католицизма. На фундаменталистских позициях находится Орден, в том числе патер Рыдзык, стоящий во главе «Радио Мария»²⁴; примас по просьбе Папы мягко пожурил Рыдзыка, но тем не менее последний пользуется поддержкой верхушки своего Ордена. «Радио Мария» с его острой полемикой в духе католического фундаментализма, узким национализмом и антисемитскими выпадами — вовсе не маргинальное явление, у него миллионы хорошо организованных сторонников, которыми легко манипулировать. У патера Рыдзыка мощная финансовая база, а в сейме много депутатов, на парламентскую поддержку которых он может рассчитывать.

²² Gowin J. *Op. cit.* S. 286.

²³ Если бы такое движение и привело к решительному ослаблению позиций института церкви в Польше, то, по моему мнению; перспектива для страны не была бы оптимистичной. Ибо религия, вера для многих людей имеет большее значение, чем расхождение с официальной церковью. В Польше нет альтернативы католицизму, говорит А. Михник, который при коммунистическом режиме был диссидентом, а ныне — главный редактор «Gazeta Wujborcza». См. его интервью в *Tygodnik Powszechny*. 26. 07. 1992.

²⁴ Речь идет о членах монашеского ордена редемптористов. — Прим. переводчика.

Правда, духовное влияние ориентирующихся на будущее, более либеральных католиков велико, и один из них – архиепископ Жичиньский из Люблина – считается преемником Ю.Глемпа. Он как будто пытается реформировать и сугубо консервативный католический университет Люблина, однако будем помнить о том, что Говин в своей книге, опубликованной в конце 1995 г.²⁵, писал, что дальнейшее внутреннее развитие церкви – еще не решенный вопрос.

²⁵ *Gowin J. Op. cit.*

Епископ Перонек больше не является докладчиком конференции епископов, летом 1998 г. на его место был избран силезский епископ Либера, о котором в идеологическом плане пока сказать нечего, но человек он, по-видимому, не очень воинственный. Однако иерархии не удалось отодвинуть Перонек на какой-нибудь незначительный пост. Иоанн Павел II настоял, чтобы этот епископ сохранил свои влиятельные позиции.

Данный прецедент свидетельствует не только об активном вмешательстве Папы в кадровую политику официальной польской церкви, но, поскольку Перонек считается явным сторонником более открытой церкви, также и о том, что последней все еще тяжело идти по пути изменений, ей трудно дается новое отношение к критике из собственных рядов, и иногда она хочет быть «более католической, чем сам Папа».

Если церковь не изменит отношение к современной действительности, не обретет способность к самокритике, не выработает новую линию поведения, то и в Польше она будет утрачивать свое прежнее значение и в конечном счете не только не сможет играть значительную политическую роль, но и выполнять собственную апостольскую задачу.

ОТ РЕДАКЦИИ

12 марта 1999 г. центр «Церковь и международные отношения» МГИМО-Университет МИД РФ и Фонд «Российский общественно-политический центр» при содействии журналов «Церковь и общество» и «ПОЛИТИЯ» провели в МГИМО-Университет круглый стол на тему:

«Философия русского зарубежья и духовные поиски современной России (к 125-летию со дня рождения Н.А.Бердяева)»

Ведущий – проф. А.В.Шестопап (МГИМО)

Докладчик – проф. А.М.Салмин (Фонд «РОПЦ»)

Основные участники дискуссии – проф. Г.К.Ашин (МГИМО), проф. О.В.Гаман (РАГС), проф. К.М.Долгов (Дипломатическая Академия), проф. Т.В.Зонова (МГИМО), проф. А.Т.Казарян (Университет Иоанна Богослова), проф. Б.И.Коваль (ИЛА РАН), проф. Н.А.Ковальский (Институт Европы РАН), проф. В.Н.Расторгуев (Центр «Церковь и МО»), проф. С.И.Семенов (ИЛА РАН), проф. Ю.Шерер (Франция).